

Категорический противник моды

Денису Евстигнееву интересно делать реалистическое кино и копаться в психологических нюансах

Независимая газ. - 2002. - 13 апр. - с. 5-6.

Елена Кутловская

В четверг состоялась московская премьера нового фильма Дениса Евстигнеева «Займемся любовью». Ныне культовый режиссер свою первую картину «Лимита» снял в начале 90-х, и она вызвала горячие дебаты в прессе и среди зрителей. Фильм «Мама» с Нонной Мордюковой в главной роли также оказался в центре полемики. А о картине «Займемся любовью» начали говорить еще до того, как она вышла на экраны.

Едва перешагнув порог дома Дениса Евстигнеева, я увидела светлую, просторную квартиру с фотографиями, картинами, с компьютером и старой деревянной мебелью. «Да, у вас хорошо», – сказала я, чтобы как-то начать общение.

Евстигнеев усмехнулся: «Да, у меня хорошо».

Я посмотрела на круглый деревянный стол, который стоит на светлом деревянном полу, потом села на скрипучий деревянный стул и деревянно улыбнулась: «Мне очень понравился ваш фильм «Займемся любовью». Это было приглашение к беседе, но Евстигнеев отреагировал вяло – закурил и тихо сказал: «Спасибо». Солнце светило прямо из прорубленного в потолке окна, и я решила «убить» собеседника серьезным и глубоко личным вопросом.

– Коснулся ли вас кризис среднего возраста, который, по мнению социологов, непременно случается с людьми в 37–40 лет?

– Нет. Кризис среднего возраста бывает, когда у человека нет тыла: профессии, друзей, семьи. У меня все это есть...

– Скажите, к сорока годам вы не разочаровались в кинорежиссуре?

– Главное, что я не разочаровался в самом кино. Оно мне интересно: я понял, что я там ничего не знаю. Я до сих пор нервничаю во время съемок, потому что состояние творчест-

Денис Евстигнеев на съемках.

Фото Владимира Майковского

ва – это всегда состояние неопределенности. Что такое режиссура? Это страшный наркотик. Это когда у тебя за спиной человек сто, а впереди никого нет – и ты оказываешься крайним. А оказаться крайним в любой жизненной ситуации безумно страшно. Но и безумно увлекательно, потому что в этой ситуации решение принимаешь только ты. Вырабатывается очень сильная зависимость от этой профессии.

– Судя по слову «наркотик», работа для вас – настоящая релаксация. И, видимо, искать иные способы расслабления вам уже не надо?

– Кино – это тяжелая психологическая работа. Двадцать четыре часа в течение трех–шести месяцев ты буквально живешь на съемочной площадке, в этом дурдоме... Во время съемок расслабляться и некогда, и невозможно – «выпадешь» из жесткого графика, в котором, кроме тебя, также жестко задействованы слишком многие.

– Вы могли бы назвать себя независимым человеком?

– Смотря от кого.

– А от кого вы можете быть зависимы?

– От мамы, от своих близких...

естественно, имеют свое воздействие.

– Дочь Сталина публично осудила своего отца, дочь Кастро – сделала то же самое. Гипотетический вопрос: вы могли бы, будучи сыном

становится «невнятным», «стертым» для собственного восприятия. Так же привычны нам и лица родителей. Неожиданного прозрения по отношению к своим родителям нет и не может быть. Есть ситуация еже-

Главное, что я не разочаровался в самом кино

– Если бы мама не одобрила кандидатуру вашей жены – этой женщины рядом не было бы?

– Мне сложно ответить... Но однажды, в моей юности, мама негативно отнеслась к какой-то девочке, которая была мне интересна. И в итоге... девочка перестала меня интересовать.

– Почему?

– Не знаю... Все слова наших близких откладываются в голове. Я доверяю маме, и ее слова,

тирана, публично сражаться с ним, смогли бы быть Павлом Морозовым?

– Ну нет! Семья – это корпорация. Члены корпорации должны или уйти из нее, или принять ее условия. Вообще ваш вопрос – для драматургии Шекспира. Это художественная тема, которая к жизни не имеет отношения. Если бы человек, увидев в зеркале свое лицо, мог удивиться! Но он настолько привыкает к себе, что его лицо

дневных компромиссов, ежедневных оправданий друг друга. В жизни вдруг не бывает. Вдруг бывает в искусстве. Гамлет вдруг увидел отца-призрака, и это резко изменило всю его жизнь.

– Зачем вам, взрослому мужчине, снимать фильм о 17–19-летних? Вы пытаетесь заигрывать с поколением next?

– Нет. Просто я хотел сделать фильм о любви, и этот возраст –

самое время для подобной темы. И еще. Я понял: если у меня получится показать на экране живых интересных людей, фильм будет интересен людям любого возраста. Мне кажется, что свежая кровь, новое поколение для зрителя обаятельнее и привлекательнее любых суперзвезд. Главного героя, Игоря Тюленева, играет Кирилл Малов, студент первого курса Шукинского училища. Он настоящая удача для нашего фильма. Я искал главного героя четыре месяца, отсмотрел две тысячи ребят. Но ни в ком из них не было того светлого наива, который заставляет улыбнуться молодости этого человека. И произошло чудо – появился Кирилл. Зашел, сел, закрыл лицо руками. Мы уговаривали его открыться, он – ни в какую!

– Умолили?

– Да. Он открыл лицо, просидел, не говоря ни одного слова, потом вдруг встал, сказал, что сниматься не будет, и на полусогнутых ногах ушел.

– А потом?

– Оказалось, что ко мне на «Мосфильм» пришел именно тот человек, который был написан в сценарии. Кирилл – замечательный актер и очень странный, необычный человек. Я лично до сих пор не разобрался: он играл в моем фильме Тюленя или он такой и есть? Не было бы такого Кирилла, не было бы и фильма.

– «Займемся любовью» – это незамысловатая история о том, как некий студент-девственник очень хочет секса. Но девушки над ним смеются. Даже проститутки от него убегают. История грустная и простая. Но, между делом, эдак походя, вы показали не в лучшем свете и армию, и студенческий быт, и мафию, и проституток... Меня поразило, как это сделано: без напора, но очень страшно.

– Признаться, не ожидал именно таких впечатлений, потому что я в этом фильме принципиально отказался от всякой социальности. Я намеренно избегал ужасов сегодняшней жизни, наркотиков... **ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 6**